

“С этой девочкой надо что-то делать”

— Я попала в другую жизнь с ощущением, что никогда к ней не привыкну. Ну представьте себе: нет друзей. Не к кому завалиться в 12 ночи — попить чайку, поболтать. Телефон целыми днями молчит. Конечно, стали появляться какие-то знакомые, звать в гости. “Очень рады были провести вечер с русскими! Давайте встретимся еще. Будем ждать вас через месяц в 12 часов — на обед”. И это жизнь? Я пошла учить язык в вечернюю школу — вместе с мексиканцами, израильтянами, русскими пенсионерами — они приходили не столько учиться, сколько встречаться, разговаривать друг с другом. Только через год мы с Сашей стали жить приблизительно московской жизнью. Ходить, например, на театральные премьеры. Из театра возвращалась с разворошенной душой. “Саш, я тоже хочу выступать! Я ведь актриса!” — “Пока сама не придумаешь себе, что делать, ты здесь работу не получишь”. — “Да как же сама? Должен быть режиссер, он должен со мной работать, разговаривать!” — “Забудь об этом. Все — только сама!”

Я начала петь русские романсы и песни — в гостях. Посидим, попьем чаю, потом я беру гитару и начинаю петь. Разумеется, по-русски. Первый раз я запела в очень богатом эмигрантском доме — с антикварной мебелью, с Шагалом на стенах. Хозяйке 80 лет, но она еще устраивает “пятницы” — приемы гостей. Пение мое ей очень понравилось, и она сказала: “Я хотела бы тебя, девочка, показать подруге. Она скоро устраивает “русский вечер” — с русской едой, с русской музыкой. Соберутся старые эмигранты — из Румынии, Венгрии, люди одного духа... Спой им!”

Так я попала еще в один дом, тоже богатый. Аплодисменты, улыбки. “С этой девочкой надо что-то делать!”, “Давайте я покажу ее Теодору Бикелу...” Я уже знала: Бикел в Америке — знаменитость, “звезда” Бродвея, блистательный шансонье, великолепный киноактер... Наша встреча с ним произошла на другой вечеринке. Бикел пришел с каким-то молодым мужчиной и его женой. Первым начал петь Бикел, я стала подпевать, потом одна спела несколько русских песен. Все было очень мило. А в конце вечера подходит ко мне тот незнакомый молодой мужчина: “Чем вы здесь, в Америке, занимаетесь? Не хотите сделать для меня программу из русских песен?”

Оказалось, что это Северин Ашкенази — один из богатейших людей в Лос-Анджелесе и, как я теперь уже понимаю, последний богач, влюбленный в Россию и в русскую музыку. Он настроил в Америке много шикарных отелей и в одном из них — тут, в Лос-Анджелесе, сделал салон “Дягилев”. Не ресторан, а именно музыкальный салон: зал со столиками, сцена, рояль, проектор. С 7 до 9 вечера на сцене выступал виртуоз-балалаечник, а мне Северин предложил сделать второе отделение — с 9 до 11. Русские народные песни, романсы и немного русского джаза. Сразу же предупредил: публика ходит в салон богатая, интеллигентная, с ностальгией по европейской культуре, в том числе русской...

— Иными словами, эмигранты?

— Нет. Хотя в Америке все, в сущности, эмигранты. Но не все уже об этом помнят, не все это ощущают. Постоянные посетители “Дягилева” — “звезды” Голливуда. Забегая вперед, скажу: очень часто, например, приходила послушать меня Линда Перл, мы даже стали подругами. А из “чисто русских” пришел однажды послушать меня Лев Лещенко...

— Что же вы пели в салоне “Дягилев”?

— “Черный ворон”, “Ямщик”, советские — “Звать любовь не надо...”, “Пусть я с ва-

Все сошлось в ней: молодость, красота, талант. В Московском театре сатиры у нее были ведущие роли. Ее партнером на сцене был Андрей Миронов. Ее фотография украсила обложку журнала “Театральная жизнь”. Она снялась в фильмах “Катала” и “Непрофессионал”. Она стала женой драматурга Александра Буравского. Короче, у Луизы Мосендз складывалась судьба и карьера “звезды”.

В 89-м “звезда” неожиданно исчезла с российского театрального и кинематографического небосклона и появилась в Лос-Анджелесе, где своих “звезд” больше, чем может вместить небо. Да и на что может претендовать театральная актриса с великолеп-

ми совсем незнаком”, песню на слова Мандельштама “Я вернулся в мой город, знакомый до слез”...

— А где же “Очи черные”?

— Понимаю ваш намек — Луиза Мосендз стала кабацкой певицей. Так вот, отвечаю: “Очи черные” каждый вечер “крутили” не в салоне “Дягилев”, а в русском ресторане, который обосновался рядом, буквально за углом. Причем крутили не для американцев, а для недавно приехавших директоров советских продмагов и гастрономов. Американцы в такие рестораны если и ходят, то не русские песни слушать, а посмотреть на “русскую душу”. На то, как богатенькие русские с женами в бриллиантах и со вздыбленными прическами швыряют оркестрантам деньги и пляшут, стуча каблукми. А на сцене для них трудятся уехавшие из Херсона или Черновцов эстрадники.

— Короче, там процветает кич?

— Да, кич. И ничего другого там не требуется. Я однажды от отчаяния пошла в такой “русский ресторан” — показывать себя. Мне прямо сказали: “Дорогая, забудьте. Вы не подходите по внешности, вы слишком интеллигентная. Здесь нужно

сцену. Мы вроде бы уже обо всем договорились, но почему-то продолжали встречаться только в частных домах на очередных вечеринках. Как-то после одной из них он подходит ко мне: “Я сейчас опросил мужчин, которые тебя слушали. Им нравится, как ты поешь и как выглядишь. В следующий раз я проверю, как к тебе относятся женщины. Если ты вызовешь у них ревность, значит, что-то в тебе не то”. Еще один вечер. Вижу: Северин здесь. О, Боже! Значит, надо опять держать себя в форме и выкладываться полностью. Перед разездом гостей подходит: “Пожилым женщинам ты нравишься, они видят в тебе дочку, внучку. Ты у них вызываешь теплое отношение. Это хорошо. Буду проверять дальше”.

Еще вечер — на сей раз: “Здесь, среди гостей, находится директор Лондонской театральной школы. Ему импонирует, как ты себя ведешь, как управляешься с руками, с телом. Но он сказал, что тебе надо “открыть глаза”, то есть как-то по-другому их красить. Действуй!”

И наконец: “Хочу сделать тебе последнюю проверку. Через несколько дней в “Дягилев” на встречу Нового, 1991 года

Успех, бурные аплодисменты. Подходит какой-то человек: “Мой друг — известный театральный режиссер Джереми Лоуренс — сейчас подбирает актеров в новый и очень оригинальный спектакль. Вот его телефон, звоните. А я ему все про вас расскажу”.

И через несколько дней Джереми Лоуренс берет меня в свой театр “Джио” и предлагает, в сущности, главную роль в его новом спектакле “Запрещенное кабаре”. Действие происходит в 20 — 30-х годах в Германии. Зарождается фашизм, но интеллигенция пока не испугана, она веселится в многочисленных кабаре, где высмеивается все, что происходит в стране. А в радиодинамиках уже звучит злобеший голос Риббентропа...

В пьесе оказалось 80 страниц текста. И я их все заучиваю. Репетиции идут три недели по 12 часов с одним часовым перерывом. Мне нужно говорить, петь, танцевать и очень много двигаться по сцене. Вот это было напряжением! Моей серьезнейшей песней-зонгом завершается первое отделение, и таким же трагическим зонгом я заканчиваю весь спектакль. А вообще я все время на сцене. У меня сразу несколько образов-

спектакль, в котором играла, и подчеркнут желтым фломастером строчки, которые посвящены тебе. Сделать фотографии размером 8 на 10 сантиметров. Затем составить список авторитетных людей, которые приходили на спектакль, — продюсеров, театральных агентов. Найти их адреса и каждому написать письмо: “Уважаемый господин... Я знаю, что Вы были на моем спектакле и хорошо отозвались о моей работе. Разрешите прислать Вам мое резюме с надеждой, что мы еще когда-нибудь встретимся”. Надо разослать 300 — 400 таких писем и ждать, когда тебе “отзовнутся”.

Если кто-то позвонил — значит, встреча. Кофе, разговор, самый оптимистичный итог которого звучит так: “Ну, принесите или пришлите свое “резюме”. Чаше же: “Вы меня не интересуете, я делаю деньги на других актерах...”. На одну такую встречу с театральным агентом я принесла видеокассету с фрагментами из своих русских фильмов. А он кассету и в руки не взял. “Ты наверняка нарезала там лучшие куски. Пригласи меня в театр — там я сам увижу, какая ты актриса”. Да откуда же я знала, играя на сцене, что нужно приглашать

КАК В ГОЛЛИВУДЕ ВЫБИТЬСЯ В ЛЮДИ

Почти фантастическая история про актрису Театра сатиры, которой теперь аплодируют “звезды” Лос-Анджелеса

мым русским языком и никаким английским? Луиза начала в Лос-Анджелесе жизнь жены при муже, которого пригласили преподавать в местном университете.

...На днях Луиза прилетела в Москву по сугубо профессиональным делам. “Звезда” театра и кабаре из Лос-Анджелеса “миссис Мосендз” готовит там сейчас новый спектакль — “на русском материале”. Как удалось ей то, что оказалось не по силам никому другому из “русской театральной братии”, — статья в Америке профессиональной театральной актрисой?

петь “с матерком”. И чтобы динамики — на полную громкость. И чтобы клиенты, глядя на вас, заказывали много водки”. Может быть, частично мой репертуар и совпадал с ресторанным, хотя там предпочитают Мандельштаму “Яблоки на снегу”. Но ведь существует еще и разница в исполнении. Думаю, что Северину понравилась прежде всего моя манера исполнения, которую он сам называл интеллигентной. Ну а я ему была безумно благодарна за то, что снова обрела сцену, вернулась в свою профессию.

“Я тебя выпущу спеть пару песен”

— Слушаю вас, и создается впечатление, что ваша заокеанская карьера — просто случай. Старые русские эмигранты, умные и тонкие люди, передавали вас друг другу, как эстафетную палочку, пока не довели до финиша, то бишь до сцены.

— Это так и не так. Я вам расскажу, как Северин проверял меня, прежде чем выпустить на

сцену самую изысканную публика — цвет Голливуда. Придет Рауль Джулиа, Аломсон, мать Сильвестра Сталлоне, много других знаменитостей. Я тебя выпущу спеть парочку песен — посмотрим, какая будет реакция...”

Узнав, что наступает последняя, самая серьезная проверка, одна из моих новых приятельниц схватила свою кредитную карточку (“Потом расплатишься!”), и мы побежали покупать мне очень дорогое платье и очень дорогие туфли. Но оказалось, что и этого было еще мало. Окинув меня придирчивым взглядом, Северин вдруг заявляет: “Тебе нужно изменить прическу, сделать ее в европейском стиле. Отправляйся в парикмахерскую моего отеля”. Там отрезали мои длинные волосы, я ведь и внешне была “русская девочка”.

А на сцене Северин разрешил мне только одну репетицию с пианисткой. Я репетировала до трех ночи — и он тоже сидел до трех ночи... Я понравилась “звездам” Голливуда. И Северин подписал со мной договор на полгода: пять вечеров в неделю с девяти вечера и до полуночи концерт русских песен и романсов.

— Так вы стали элитной певицей на элитной сцене?

— Ведь в русские кабаки меня не взяли!

— Но и салон “Дягилев” — еще не драматический театр.

— До настоящего профессионального драматического театра дело дошло быстрее, чем я могла предположить. Через два месяца салон “Дягилев” отказался от моих услуг. По финансовым соображениям. Я оказалась для них слишком дорогой. Сказать, что я ужасно расстроилась, — ничего не сказать. Книнулась обзавиваться знакомых, почти рыдала в трубку: “Я потеряла работу!” На что следовали однотипные ответы: “Поздравляем! Теперь ты наконец поймешь, что ты в Америке!”

Дальнейшие события в моей жизни тоже можно отнести к разряду счастливых совпадений, если мерить российскими мерками. Новая моя знакомая Ли Барри-Терлофф, бывшая “звезда” мюзиклов на Бродвее, неожиданно предлагает мне устроить совместный вечер еще в одном престижном клубе для голливудских знаменитостей — концерт американских и русских песен. Мой английский уже не страдал чудовищным акцентом, и я решила исполнить несколько русских песен на английском языке.

ролей. То фарс, то трагедия.

Не знаю, как я играла премьеру. Не помню! Цель была только одна — донести до зала смысл того, что пою и говорю. Ведь на чужом языке изыскаюсь, а не на своем родном.

— Как воспринимала спектакль публика?

— Мы играли каждый вечер в течение двух месяцев. И каждый вечер зал был полон.

— А как оценили профессионалы ваш дебют на американской сцене?

— Газетные критики меня почему-то сравнивали с Марлен Дитрих. Писали, что у меня тоже загадочная душа и что я тоже умею говорить со зрителем не только словами: говорят мои руки, говорит все мое тело... Хотелось плакать от счастья. Я ведь, честно говоря, не верила, что когда-нибудь смогу оказаться в американском профессиональном театре, смогу войти в него, играть драматические роли на английском языке... Это фантастика — то, что произошло со мной. Я стала американской актрисой!

“Надейся только на себя!”

— И с тех пор успех был обеспечен?

— Если бы так! Через два месяца театральный контракт закончился. И начались будни американского актера, о которых я представления не имела. У нас здесь как? Попал в труппу театра, ну и трудись до пенсии, с тобой все в порядке. А там отыграл контракт, приглашения на новую роль нет. И скорее всего, не будет. Потому что таких, как ты, — толпы. Есть актрисы моложе, красивее. И говорят без акцента или с меньшим акцентом, чем у тебя. Так что нечего тебе ждать, все делай сама!

— Что именно?

— Прежде всего, надо быть всегда готовой показать себя. Куда-то ты пришла, оказалась в какой-то компании — и вдруг тебя спрашивают: “Вы что делаете? А не могли бы спеть прямо сейчас?” И это может быть очень важный человек, который способен буквально перевернуть твою жизнь. Тяжело чувствовать себя постоянно в боевой готовности — на вечеринке, на чьем-нибудь дне рождения. Но ты обязана быть все время в форме.

— Это и есть будни американского актера?

— Нет. Будни — это другое: постоянно и настойчиво напоминать о себе. Надо сделать ксерокопии всех рецензий на

театральных агентов смотреть на себя?..

Я не докрутила это дело, не разослала триста писем. Помните, я говорила, что встретила Ли Барри-Терлофф, бродвейскую “звезду”. Так вот, вместе с Ли мы решили готовить программу “Сентиментальное путешествие” — путешествие по популярным мелодиям 40 — 50-х годов, где я решила петь уже не русские, а американские песни.

— Опять — все сама?

— Ну разумеется. А еще мы задумали вместе с режиссером Джереми Лоуренсом моно-спектакль о великолепной русско-американской актрисе Алле Назимовой, племяннице врача, который лечил Антона Павловича Чехова. И писатель помог ей стать актрисой МХАТа. Во время гастролей театра в Америке Алла эмигрирует. В это время в Голливуде появляется немое кино, и она становится “звездой” Голливуда — прекрасная трагическая актриса с прекрасными трагическими глазами. Однако в американских библиотеках мы нашли о ней только две статьи. Одна: “Красавица Назимова предлагает вам курить сигареты марки...” Вторая статья еще короче: “Алла Назимова, замечательная трагическая актриса, умерла”. Вот я и прилетела в Москву поискать здесь материалы об Алле Назимовой.

— Итак, вы первая театральная актриса из России, которой удалось стать театральной актрисой в Америке. И пока последняя, хотя ваших российских коллег в США уже довольно много. Почему им не удается американская fortuna?

— Главная их ошибка в том, что, приехав в Америку с солидным профессиональным багажом, они не хотят, а точнее не могут, отважиться начать все сначала. Это действительно страшно для актера — опять стать учеником. Зная систему Станиславского, начать познавать еще и систему Майснера. Здесь тебя водить за руку никто не будет. И никто не станет платить за профессию — тут платят за работу, за ее результат... Но главная ломка, которая многим русским актерам оказывается не по силам, — психологическая. Надо не головой, а кожей почувствовать: прежняя жизнь кончилась и надо начинать новую — с нуля. Надо найти силы на новый огромный виток. Дай Бог, чтобы все это удалось еще кому-нибудь! И моего полку прибыло...

Юрий КРЮЧКОВ.